

Социализм и демократия

Доклад, прочтенный на эту тему Н. Д. Авксентьевым¹ в Республиканско-Демократическом Объединении², и состоявшиеся по докладу прения заслуживают внимания вне тесных пределов той залы, в которой происходил этот обмен мнений. Здесь сошлись и попытались взаимно самоопределиться два лагеря русской прогрессивной общественности в своих частях, наиболее близких друг к другу: правый социализм и радикальная буржуазия (понимая это слово в широком смысле, противоположаемом социализму). Демократический республиканизм одинаково свойствен обоим: он их объединяет и дает им возможность говорить на одном языке. Но несмотря на эту близость, создаваемую, главным образом, единством практических задач, несомненно, что оба партнера подходят друг к другу, сохраняя основные специфические особенности, которые их разделяют. Если, несмотря на эти особенности, граница между обоими течениями, социалистическим и радикальным, все же сглаживается, то это становится возможным потому (и тогда), что (и когда) оба соседа проводят границы также и по другую сторону, противоположную линии их соприкосновения. Радикальная буржуазия провела эту черту, отделив себя от недемократов и нереспубликанцев справа. Где проводит эту черту, чтобы отграничить себя слева, правый социализм?

Доклад Н. Д. Авксентьева со всей определенностью и с необычной в рядах социалистов смелостью ответил на этот вопрос. Он отграничил «демократический» социализм от недемократического. Если принять во внимание, что самая возможность отрицания демократизма за какой бы то ни было частью социализма энергично оспаривается социалистами, то уже в одной этой постановке вопроса Авксентьевым нельзя не видеть важного методического шага вперед, существенно облегчающего установление общего взгляда.

Итак, есть социализм недемократический, с которым не только нам, но и Авксентьеву не по дороге. Это есть тот самый тезис, который мы постоянно проводили на этих столбцах. Спор может быть, стало быть, только о том, каковы признаки недемократического социализма и каковы те границы, которые отделяют его от социализма демократического.

Для нас несомненно, что большевизм есть социализм недемократический. Несомненно это и для Авксентьева, с той только разницей, что он не хочет вовсе называть большевистский социализм — «социализмом». Большевизм есть «антипод» социализма, его карикатура, и всякий, кто видит в большевизме крайнее проявление марксизма (т. е. все-таки социализма), — произносит «сознательную ложь». Мы, разумеется, находим это выражение чересчур крепким, потому что к категории людей, утверждающих связь между марксизмом и большевизмом, принадлежим и мы сами. Но разногласие с Авксентьевым у нас тут только словесное. Ибо сам он определенно признал, что «известные элементы большевизма таились в старой, особенно марксистской идеологии». Поскольку они там таились, постольку, значит, и старая марксистская идеология (несомненно, социалистическая) — была недемократической.

И в самом деле, подтверждение этого находим в перечислении Авксентьевым тех «ошибок», которые отделяют недемократический социализм от демократического. Чтобы стать демократическим, социализм, по Авксентьеву, должен освободиться от этих ошибок. Если так, то, значит, раньше социализм разделял эти ошибки? И докладчик определенно говорил о «демократизации социализма» как о сравнительно новом процессе. Сближение с демократией, таким образом, происходит путем устранения из самого социализма недемократических элементов.

Мы приветствуем такое понимание в рядах социалистов, потому что оно тождественно с нашим собственным. Но всю важность признания Авксентьева можно оценить вполне, лишь ознакомившись с тем, что именно в старом, недемократическом социализме он считает «ошибками». Мы увидим, что тут введены такие черты, которые иные склонны будут считать основными, существенными чертами социализма, как такового.

Равнодушие к политической свободе. Эту черту сам Авксентьев считает почти универсальной в социализме. В самом деле, ее разделяли, по его перечню, весь утопический социализм, т. е. весь социализм с конца 40-х годов, прудонизм³, Лассаль⁴, Маркс с Энгельсом⁵ и некоторые теперешние социалисты. Правда, г. Делевский⁶ пытался несколько сократить этот список, найдя многочисленные элементы демократизма и в домарксовском социализме. Но ведь из оппозиции против свободных политических учреждений, как недостаточно гарантирующих быстрые и реше-

тельные социальные завоевания, выросла вся революционная тактика социализма. Эта оппозиция кончается только там, где социализм из революционного становится эволюционным. Социализм Авксентьева переступает через этот порог, — и по сию сторону порога встречается с республиканцами-демократами несоциалистами. Демократический социализм, следовательно, есть социализм парламентский.

Вторая «ошибка» — или вторая идея, отрицающая демократизм, — это идея «диктатуры пролетариата». Собственно говоря, это другая сторона первой ошибки: во имя диктатуры пролетариата ведь и отрицались свободные политические учреждения. Но это было не всегда так. У Энгельса можно найти заявления, что «демократическая республика есть специфическая форма диктатуры пролетариата». И от Энгельса это утверждение перешло к прежнему Каутскому⁷. Тут более, чем где-нибудь, Ленин ушел от марксизма, придав «диктатуре пролетариата» настоящую специфическую форму открытого насилия меньшинства. Но нельзя отрицать, что самый термин «диктатура» одного класса включает в себе уже все предпосылки, на которых Ленин (и не один он) возвел свою систему. Нужно, следовательно, пожертвовать самим термином во избежание всяких недоразумений, и Авксентьев, под защитой Каутского, как он полагает, и решается это сделать. Таким образом, он становится на точку зрения верховенства большинства, на котором основана деятельность свободных политических учреждений.

Это подтверждается и отречением от третьей ошибки революционного социализма: от идеи «социальной революции» как «прыжка в царство свободы». Тут Авксентьев становится под защиту Жореса⁸, признавшего, что социальная революция «неизбежно принимает форму эволюции», однако при условии, что эволюция имеет «революционную ценность». Итак, демократический социализм есть эволюционный социализм, отрицающий идею насильственного переворота. Неизбежным последствием этого заявления является признание, которое и сделал Авксентьев, что освобожденная от большевиков Россия будет буржуазная, а не социалистическая. Тут, однако, и кроется трудность, которую необходимо разъяснить, чтобы сделать все выводы из демократизации социализма. Ведь тот факт, что русская революция буржуазная, русские социалисты признали тотчас после

Февральской революции. Тем не менее, действовали они не вполне соответственно этому признанию.

Между программой республиканско-демократического правительства и программой социалистической всегда будет разница, которую Авксентьев и подчеркнул на примере отношения теперешних французских социалистов к французским радикалам. Разница эта в идее «обобществления» и в размерах, в которых «обобществление» может быть привито каждому данному моменту. Вот пункт, на котором и после отказа от «ошибок» продолжает существовать основная неясность между республиканцами-демократами и демократическими социалистами. Неясность на этом пункте проходит через все ультрадемократические цитаты, приводившиеся докладчиком. Социализм как цель — это понятие обязывает не только в будущем, но и в настоящем. И признание Авксентьева, что демократия превращается действительно только в служебную среду, если имеется в виду подготовка революционного переворота, сохраняет силу и на тот случай, если дело идет о подготовке будущего социализма. Только полное слияние очередных целей с целями несоциалистической демократии могло бы уничтожить эту последнюю грань. Но... может ли социалист работать только для очередных целей демократии, не превращая этих целей в средство для своих дальнейших целей?

Прямой ответ на это может дать только опыт. На опыт несоциалистической деятельности современных социалистических партий, когда они приходят к власти, и ссылались сторонники и противники докладчика. Сам он разрешил этот спор, пожалуй, слишком легко. Можно, «понимая свои задачи как демократические, — творить этим социалистическое дело». «Я ставлю социалистические задачи: обобществление средств производства, — сказал он, — но это достигается расширением понятия свободы личности».

Демократический социализм Авксентьева в своем философском обосновании покоится на понятиях, которые подчас общи ему с индивидуалистическим обоснованием либерализма. Углубление в эти общие начала дает ему возможность отойти от конкретных вопросов современности. Некоторая отвлеченность постановки сказалась и в практическом выводе докладчика, что после освобождения России от большевиков он... будет бороться против тогдашней реакции. Эта готовность заменить творческую программу восстановления России привычной задачей пре-

бывания в перманентной оппозиции чрезвычайно характерна для политического течения докладчика Отречение от ошибок социализма свело его единомышленников с неба. Но они все еще не решаются стать твердыми ногами на землю. Взгляд, устремленный на конечную цель, все еще мешает разбираться подробно в том, что под ногами.

А между тем, освобожденная окончательно от неясностей и двусмысленностей, позиция демократического социализма давала бы ему возможность положительной творческой работы для осуществления республиканско-демократических идей, общих с несоциалистической демократией. Обвеянный туманами недемократический социализм продолжает быть, во всяком случае, годен только на разрушение.

Последние новости. 1924, 9 июля

